

ПАЛАТА №6

ХРАНИТЕЛИ ТАЙН

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус) 6-44
П14

ПАЛАТА № 6 ХРАНИТЕЛИ ТАЙН

*Издательство благодарит Александру Панфилову
за предоставленное разрешение использовать
шрифт «Прибамбас» в оформлении данной книги.*

*Автор шрифта «Прибамбас» — Михаил Панфилов
mishapanfilov.ru*

П14 Палата № 6. Хранители тайн. — Москва: Изда-
тельство АСТ, 2021. — 320 с. — (Палата № 6).

ISBN 978-5-17-133246-4

Добрый, но бесконечно несчастный паренек по имени Арк уже не ждет от жизни ничего, кроме пинков. Когда в его маленькой квартирке появляется самый настоящий джинн, Арк сразу понимает, что это не к добру. И оказывается прав — вместо исполнения желаний джинн втягивает Арка, а заодно и его друга Тима в совершенно безумную миссию по спасению книги тайн, хранящей самое ценное, что есть у людей, — их истории...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)
6-44

ISBN 978-5-17-133246-4

© Палата № 6, текст и иллюстрации,
2020
© ООО «Издательство АСТ», 2021

ГЛАВА 1

Каждое утро Арк просыпался в своей маленькой квартирке и надеялся, что это все еще сон.

Обычно его будила ругань соседей сверху, но случались исключения, поэтому иногда он просыпался от ругани соседей сбоку или снизу. Просыпался Арк всегда тяжело. Каждый раз ему не хотелось открывать глаза и выныривать из-под одеяла, ибо никогда и ничего хорошего это занятие не сулило. Если все-таки ему удавалось каким-то чудом открыть глаза, то первые десять минут он был занят тем, что пытался выкрасить кипятком многократно использованным пакетиком черного чая. Если вода хотя бы желтела, утро считалось хорошим. Если — нет, утро считалось нормальным. Но чаще всего у Арка даже такого чая не было, и он пил кипяченую воду без сахара, то и дело выплевывая кусочки накипи прямо под ноги.

Позавтракав, если было чем, Арк обыкновенно направлялся в ванную и умывал лицо под тоненькой струей ржавой воды, откручивая кран лишь

на парочку сантиметров, чтобы показания счетчика едва-едва сдвинулись с места. Зубы он чистил похожим образом. Процедура эта занимала целых полчаса, ибо первые пятнадцать минут Арк пытался выдавить хоть что-нибудь из исхудавшего тюбика, где когда-то была паста, а оставшееся время он скрупулезно елозил щеткой по каждому зубу, удивляясь, как ему удалось сохранить в целости каждый из них. Зубами он дорожил и гордился ими. То же касалось и его ботинок.

Закончив утренние процедуры, Арк обычно возвращался в комнату, тщательно переступая через тараканов, клопов и даже мышь, которая в последнее время до того осмелела, что совсем перестала прятаться и жила у него в качестве питомца. Мышь он назвал Алисой и всякий раз приносил ей что-нибудь вкусное. Однажды он даже похитил у белки парочку орехов, чтобы накормить Алису, и та каждую ночь будила его аппетитными шорохами. Осматривая комнату на предмет того, что нужно взять с собой в новый день, Арк всегда приходил в уныние. У него не было практически ничего. Посреди комнаты лежал старенький матрас, окруженный книгами, но ни одну из них до конца Арк так и не прочитал. Он нашел их на улице и не смог пройти мимо, посчитав кощунством выбрасывать кем-то написанные истории.

**СКОЛЬКО
МОЖНО?!**

**ТЫ
ДОСТАЛ!**

**ВАЛЕРА,
ТВОЮ
МАТЬ!**

В новый день Арк обычно брал эту сумку и маленький рюкзак, который помещался в районе книг. У изголовья лежала клетчатая сумка, ночью служившая подушкой. Собрав все необходимое, он обычно выходил на улицу и проверял погоду. Делал он это просто так, ибо одежда у Арка была одна на все сезоны: темные брюки, удачно скрывавшие пятна на них, такого же цвета водолазка и серое пальто, одновременно уместившее на себе так много дыр, что спустя какое-то время и само, должно быть, превратится в одну сплошную дыру.

Проверив, что ничто не забыто, Арк обувал тяжелые ботинки, те самые, которыми он гордился, ибо они не имели ни одной дырочки и служили ему верно и долго. Далее он принимался за двери. Сначала он закрывал первую деревянную дверь, поворачивая замок один раз. Дальше — еще одну деревянную дверь, с поворотом замка уже трижды. А уже находясь на лестничной клетке, он закрывал последнюю, железную, дверь, прокручивая один замок трижды и другой — дважды. Ключ прятал во внутренний карман пальто и застегивал карман на молнию, которую сам же и вшил. Лифтом он не пользовался, не желая встречаться с соседями, потому что те часто смотрели косо, а иногда даже позволяли себе не слишком ласковые выражения в его адрес. Впрочем, он постоянно был рад встретить Матильду. Она всегда здорова-

лась первой, была вежливой, интересовалась его делами, и, собственно говоря, ботинки, которые Арк носил с таким удовольствием, были подарены именно ею. Как-то Арк откликнулся на объявление, приклеенное к стене, где было написано нечто, никого неспособное растрогать: «Отдаются ботинки. Ношенные». К ботинкам она предложила Арку еще и очки с темными круглыми линзами, доставшиеся ей от отчима, но Арк отказался, так как они недостаточно подходили к его стилю.

Спустившись по лестнице, стараясь отводить глаза от взглядов встречавшихся ему соседей, Арк поздоровался с пожилой консьержкой. Та не ответила, только проводила его вылезаящими из-за толстенных линз глазами, впрочем, довольно дружелюбно, но и задумчиво. Так случалось каждое утро, и каждый раз она успевала его остановить, чтобы задать вопрос:

— Вы же из двенадцатой квартиры? Помню, вы с книгами ходили тут. Подскажите: травянистое растение семейства злаковых.

Арк, не задумываясь, ответил:

— Рис, Марь Ивановна.

Консьержка скрючилась над кроссвордом, освещаемым тусклой лампой, вкрученной в допотопный светильник, вписала подсказанное ей слово, и лицо ее тут же изменилось не в лучшую сторону.

— Сволочь ты! — закричала она. — Кроссворд мне испортил!

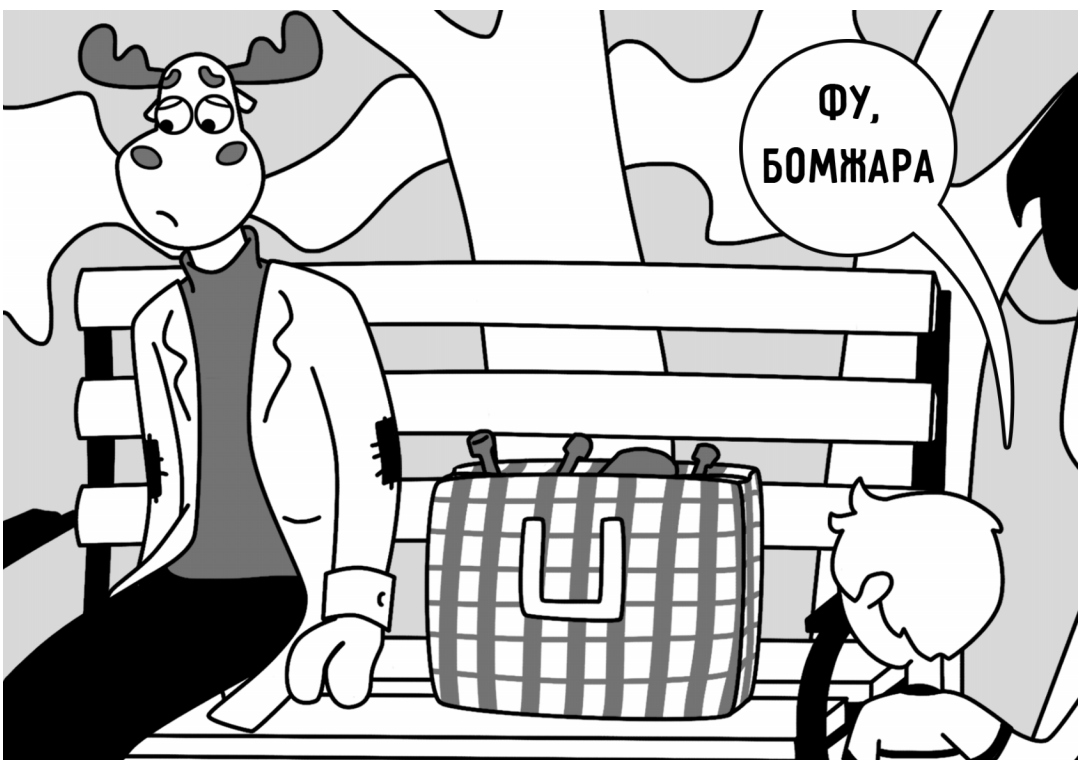
Но Арк уже был на улице, где вытряхивал из своей клетчатой сумки остатки вчерашней добычи.

Очутившись снаружи, Арк тут же забывал, откуда вышел. Не в буквальном, конечно, смысле. Дело в том, что у него совершенно отпадали мысли на тему, насколько жалкую жизнь он ведет. Оказываясь на пороге нового дня, он непременно, хоть и неизвестно, откуда, приобретал веру в этот самый новый день. Ни беды, ни обстоятельства все равно не смогли разрушить его веру в чудо, и он выходил из подъезда с твердым намерением вернуться обратно как минимум чуточку счастливее. Получалось это далеко не всегда, но Арк не сдавался.

Выйдя и вдохнув свежего воздуха, он вешал на плечо свою клетчатую сумку и первым делом заглядывал под лавочку, стоящую у подъезда. Обычно он находил там как минимум одну стеклянную бутылку. К осуждению Арк давно привык и не обращал на него никакого внимания, хоть и старался выходить на улицу пораньше, чтобы как можно реже встречать людей. Сначала он прохаживался вдоль своего дома, заглядывая под лавочки и находя там банки, бутылки, окурки и прочий мусор. Окурки он бросал в стоящую рядом урну, а остальное забирал себе. Затем он шел в соседний двор,

потом — в следующий и, таким образом, в итоге выходил к первому большому мусорнику. Рыться в них он себе не позволял даже в самые тяжелые времена, но здесь он делал первую передышку и, садясь в кем-то выброшенное кресло, начинал сортировать найденное. То, что нельзя будет сдать на вторсырье, он выбрасывал в контейнер, а алюминиевые банки раздавливал, чтобы они не занимали так много места. Местные обитатели здоровались с ним, но заговаривать не спешили, предпочитая болтать между собой:

— Неплохой урожай, а? — говорил кому-то старик, пытавшийся выудить из контейнера нечто, напоминающее оленьи рога. — И кому только вздумалось это выбрасывать, а?

Проходивший мимо, спеша на работу, мужчина, не глядя, выкинул мусорный пакет, и тот элегантно повис на рогах, которые старик уже почти выволок из контейнера.

— Что за люди, а? — возмутился он, оставил рога и перебрался к другому контейнеру. — Хотя был у меня знакомый, который пришел на зачет с рогами оленя, красным носом и пел преподавателю песенку: «Добрый день, я — Саня-олень! Скоро будет Новый год, ну поставьте мне зачет!». И поставили ведь оленю этому. Большой человек теперь-то! А я тогда завалил экзамен, постеснявшись рога напялить...

Арк тем временем подсчитывал, сколько ему удастся выручить с находки. Получалось негусто, и он, утрамбовав все в сумку, поднялся с кресла и отправился дальше. На прощание он кивнул старику, но тот не ответил, потому как сердился на судьбу.

Уже в следующем дворе Арку улыбнулась удача, и он нашел пустую винную бутылку и одну чистую литровую банку, кем-то небрежно оставленную возле подъезда. Какое-то время он ждал, не появится ли хозяин, но тот не объявился, и Арк пошел дальше. Банка была из-под майонеза, кем-то тщательно вымыта, но все равно от одной мысли о еде у Арка скрутило живот. В другом кармане (кстати, тоже с молнией!) он нашел монеты и тщательно их пересчитал. Хватало на полбуханки серого хлеба.

К тому моменту, когда люди уже вовсю высыпали на улицу, направляясь на работу, Арк с полной сумкой шел к пункту приема стеклотары, находившийся недалеко от его дома, где работал его самый близкий друг. Встречные прохожие брезгливо морщились, поэтому он старался обходить остановки и дороги, предпочитая нырять во дворы, где подобных лиц было гораздо меньше. Бутылки мелодично позвякивали в сумке, вырисовывая мелодию, пульсирующий висок отыгрывал барабаны, а желудок урчал, совершенно по-профански не попадая в ритм.

На пункте приема было пусто, лишь большой друг Арка, Тим, славный парень и работяга, невесело выглядывал из маленького окошка. Увидев Арка, он тут же переменялся в лице и крикнул:

— Вот бы разбогатеть, скажи? Что мы купим первым делом, брат мой?

Сказав это, он вышел на улицу, чтобы помочь другу с тяжелой сумкой. Вообще природа их дружбы оставалась загадкой и для них самих. Поначалу они перебрасывались лишь несколькими словами, но со временем это были уже длинные, хоть и неловкие предложения, зато сейчас парни говорили часами, причем на совершенно разные темы, оттого Тим так и обрадовался. Ему не терпелось рассказать Арку хотя бы пару историй, услышанных им за время, пока они не виделись. Тим помогал Арку

выгружать тару из сумки, расставляя схожие бутылки рядом, а сам рассказывал:

— Представляешь, был тут один тип недавно, в музее биологии. Все как положено: банки, склянки, мерзости всякие. И вот в конце экскурсии работники предлагают местное «развлекалово»: вскрытие. Естественно, потенциальный «отпетый, зашитый и одетый» был под «прикрытием». И вот группа стоит у стола. Тип как первый желающий просит халат, перчатки, маску и инструмент для разделки, так сказать. Подходит к столу и протыкает иглой палец «агенту под прикрытием». Видит, что тот уже нервничает, но старается играть роль. И тут тип начинает свое шоу фразой «несите ремни», а сам скальпель готовит. Пристегнув ремни, он с инструментом наготове поворачивается к столу, снимает маску, целует «покойника» в лоб и говорит: «На счет "три" этот человек оживет». И все. Шоу в разгаре, Штирлиц раскрылся, крик, шум, паника, седые работники, визг, выходящий на ультразвук, и он, довольный собой и шоу-программой...

Арк искренне рассмеялся, как всегда, когда Тим травил свои байки. Их у него было с миллион, и он мало того что не повторялся, так еще и новые выдумывал, или наблюдал лично, или выслушивал от бесконечного потока самых разных людей, приходивших к нему. А еще у него была такая осо-

бенность — вляпаться в историю только ради того, чтобы потом это кому-то рассказать.

Выставив все бутылки и банки, Тим поставил отдельно один странноватый, широкий книзу сосуд с узким длинным горлом, заткнутым пробкой. На одной его стороне виднелись выгравированные буквы и символы, написанные, однако, неизвестным языком. Почесав голову, Тим растерянно сказал:

— Этот взять не могу. Не положено. Да и старый он какой-то, может быть, ценный?

— Это еще почему не можешь взять? — удивился Арк, сам не до конца понимая, откуда в его сумке взялся этот то ли графин, то ли неизвестно что. Он помнил все бутылки, подобранные утром, ибо от каждой почти всецело зависела его дальнейшая судьба.

— Не положено, — серьезничал Тим. — Лучше домой забери, поставь в нее цветы! А еще лучше — оставь мне, я сам в нее цветы поставлю...

Арк махнул рукой, согласившись с отказом, но сосуд не отдал, а положил его обратно в сумку. Идея с цветами ему понравилась. Если бы мертвы внутри, вам не помешало бы в доме что-нибудь живое. Цветы подойдут. Момент с графином немного смутил довольно мнительного по природе Арка. «Понятное дело, — думал, он, — все ни за что не упомнишь, и невозможно

уследить за каждой подобранной винной бутылкой, но такой вот графин разве не должен был запомниться? Возможно, — подумал Арк, — я теряю память от плохого питания». Тим, словно уловив или прочитав мысль на задумчивом лице Арка, спросил:

— Голоден?

— Совру, если скажу, что нет.

— Пойдем внутрь. Там у меня супчик есть.

Они вошли в пункт приема стеклотары, служивший Тиму одновременно и домом, и местом работы. По сути, это был не ларек, а забытый кем-то железнодорожный вагон, из которого вытащили все стенки и койки. Арк всегда удивлялся тому, что вагон был, в километре стоял ржавый локомотив, а рельсов неподалеку никто так и не видел. Арк прихватил с собой графин, еще раз попытавшись вспомнить, откуда он взялся, но ничего не получилось. Внутри что-то плескалось, а гравировка казалась загадочной и величественной. В глаза бросилась еще одна деталь, не замеченная ранее. На пробке виднелся глубокий поперечный разрез наподобие разъема в игровых автоматах для монеток. Арк пытался и выкрутить, и выбить, и даже вырвать зубами пробку, но та не поддавалась, и он оставил затею, решив вернуться к ней после завтрака, неожиданно наступившего в обед. Тем более что Тим уже звал к столу...

• • •

Завтрак, несмотря на то что больше походил на обед, был хорош. К тому же Тим заварил крепкий горячий чай, зная, что Арк ни за что не откажется. Более того, он даже насыпал Арку с собой целый пакет черного рассыпного золота, и тот, поблагодарив, спрятал его в еще один внутренний карман с молнией. Тим ел неохотно, ему больше хотелось накормить друга, а еще сильнее — поболтать. Пока Арк ел, у него был занят рот, но не уши, и Тим мог что-нибудь рассказывать, чем он с удовольствием и пользовался.